

В пересказе Ань Цао молодой господин Хан Сиэнь представал не иначе как невинным агнцем, чистейшей лилией, а его второй дядя, Хан Шу, — кровожадным злодеем, который ворвался в покои с мечом наперевес, вознамерившись изрубить этот беззащитный цветок в щепки. Слуга рыдал так отчаянно и горько, словно его хозяин уже стоял одной ногой в могиле, и это представление невольно вызывало у всех глубокое сочувствие.

Лекарь Чжоу знал о плачевном состоянии здоровья Хан Сиэня лучше кого бы то ни было. Ему не было дела до грызни внутри герцогского дома, но, услышав о тяжелом ранении своего подопечного, он помрачнел и гневно взмахнул широким рукавом:

— Непостижимое безумие!

Герцог Хан Чжо чувствовал, как ярость закипает в нем, готовая вот-вот вырваться наружу. От злости у него едва ли не шел дым из ушей. То, что семейный позор разыгрался прямо на глазах у лекаря Чжоу, означало одно: новость неминуемо дойдет до ушей самого государя.

Он не знал, кого проклинать сильнее — своего непроходимо глупого младшего брата за его непростительную оплошность, или же удивительное везение Хан Сиэня, которому всегда удавалось обернуть любые невзгоды себе на пользу.

Хан Чжо заставил себя успокоиться. Смерив Ань Цао ледяным взглядом, он процедил сквозь зубы:

— Не успел я покинуть поместье, чтобы испросить у Его Величества дозволения прислать лекаря Чжоу к занемогшей матушке, как вы тут устроили это позорище. Ты — личный слуга наследника и утверждаешь, будто собственными глазами видел, как он истекает кровью. Но если твой господин так тяжело ранен, почему ты прибежал со двора, а не находишься у его одра? Неужели ты столь нерадив в своем служении?

Герцог фактически обвинил слугу в коварном умысле. О том, что он отправился во дворец за лекарем Чжоу ради старой госпожи, знала каждая собака в поместье. Ань Цао вместо того, чтобы помогать раненому хозяину, прятался за воротами, поджидая их возвращения, дабы разыграть эту слезную сцену.

У Ань Цао от этих слов похолодело внутри. Отправляя его, Хан Сиэнь велел: «Как только заметишь карету лекаря Чжоу на подъезде к поместью, тотчас беги навстречу и кричи во весь голос, что я при смерти». Тогда Ань Цао лишь недоумевал, зачем разыгрывать ранение, если его господин цел и невредим.

Однако не успел он дожждаться повозки у ворот, как из глубин поместья донеслись испуганные вопли: Хан Шу пырнул наследника мечом, рана страшная!

Ань Цао порывался броситься назад, узнать, что стряслось, но, помня строгий наказ господина, пересилил себя и остался ждать у ворот, дабы не погубить весь замысел.

Услышав суровый допрос герцога, слуга оробел, но за время службы у Сиэня он успел повидать всякое, да и страх смерти его уже не пугал. Сжав зубы, он рухнул на колени и запричитал:

— Пощадите, господин! Малому слуге ведомо, что лекарь Чжоу обладает божественным даром целительства и много лет бережет здоровье нашего молодого господина. Лишь потому я и караулил его у ворот. Жизнь наследника висит на волоске, умоляю, господин, лекарь Чжоу, поспешите во дворик!

Хан Чжо хотел было возразить, но лекарь Чжоу властно отмахнулся:

— Государь лично поручил мне следить за здоровьем наследника. Раз он ранен, я обязан немедленно его осмотреть.

Герцог напустил на себя скорбный вид:

— Лекарь Чжоу, с одной стороны — моя престарелая матушка, с другой — родной сын. Оба они сейчас нуждаются в вашей помощи. Поступайте так, как велит долг. Если же кого-то из них... я не посмею винить вас.

Лекарь Чжоу недовольно нахмурился:

— Слова ваши лукавы, герцог. Из того, что вы поведали государю, и из записей моих коллег ясно, что у старой госпожи обычный приступ желчной ярости. Она давно прикована к постели, и нынешний недуг — лишь следствие её буйного нрава. Тут требуется долгое, размеренное лечение, а не спешное вмешательство.

Лекарь Чжоу не собирался брать на себя вину, если старуха испустит дух. Врачи уже осмотрели её до его прихода, и он мог лишь скорректировать их предписания. Попытка Хан Чжо свалить ответственность на него и на раненого Сиэня вызвала у старика лишь глухое раздражение. Во дворце перед императором герцог умолял просто взглянуть на мать, уповая на волю неба, а теперь готов выставить его всемогущим небожителем, способным воскрешать мертвых одним прикосновением.

Понимая, что лекарь ссылается на государя, Хан Чжо поспешил замять неловкость, хотя в душе его кипела обида:

— Простите мою дерзость, уважаемый Чжоу. Горе совсем помрачило мой рассудок, вот я и сболтнул лишнего.

Лекарь сухо кивнул:

— Рана наследника внушает мне серьезные опасения. Не будем терять драгоценные мгновения, идемте.

У Хан Чжо не оставалось выбора, кроме как вести старика во Дворик Душистых Орхидей. Ань Цао тихо плелся следом, стараясь казаться как можно незаметнее.

У входа во дворик по-прежнему высились слуги Хан Шу, преграждая путь. Завидев их, Ань Цао завопил во всю глотку:

— Эй вы, цепные псы Хан Шу! Что вы забыли в покоях наследника? Неужто ваш хозяин решил известить молодого господина под корень?!

Стражники растерялись, увидев разгневанного герцога и лекаря Чжоу. Не успели они раскрыть рта, как Хан Чжо с размаху пнул ближайшего к стене и яростно взревел:

— Наглые твари! Если ваш хозяин лишился рассудка, это не значит, что вы тоже вольны безумствовать!

Словами о «лишении рассудка» Хан Чжо пытался выставить кровавое покушение обычной вспышкой безумия, надеясь смягчить участь брата. Разница в его отношении к Хан Шу и к собственному сыну, Хан Сиэню, была очевидна каждому, кто умел подмечать детали.

Распахнув двери, они вошли внутрь. Картина, представшая их взору, была удручающей. Хан Сиэнь стоял посреди комнаты, бледный как смерть. Его ладонь, испачканная багровой кровью, прикрывала рану на груди. Кровь лениво стекала сквозь пальцы, окрашивая светлое одеяние в алые тона. У его ног валялся окровавленный клинок. Вокруг суетились испуганные служанки, не зная, за что ухватиться.

Хан Шу стоял поодаль, серый от ужаса, словно окаменевший. А Сиэнь смотрел на него с ледяной усмешкой, в которой сквозило глубокое презрение.

Хан Чжо подскочил к брату и отвесил ему тяжелую, хлесткую пощечину:

— Что ты натворил, безумец?!

Хан Шу покачнулся, ноги его подогнулись, и он рухнул на колени, судорожно вцепившись в полы халата старшего брата. По его щекам покатились слезы:

— Брат, клянусь, я не хотел! Матушка угасает, а этот дерзкий мальчишка смел оскорблять старших. Я лишь хотел проучить его, преподать урок вежливости... Я и подумать не мог, что так выйдет!

Хан Шу плакал навзрыд, трусливо размазывая слезы по лицу и продолжая обвинять раненого Сиэня в непочтительности к предкам.

Лекарю Чжоу не было дела до их стенаний. Оглядев раненого, он пришел в ужас:

— Рана глубокая, острое вошло в плоть! Кто вытащил оружие?! Вы с ума сошли? Он же мог мгновенно истечь кровью!

Хан Шу тут же вытянул дрожащий палец в сторону племянника:

— Он сам! Он сам выдернул его!

Однако кроме его собственных перепуганных слуг этой нелепой лжи никто не поверил.

Хан Сиэнь, едва держась на ногах от слабости, глухо рассмеялся:

— Проучить, значит? Явились с толпой вооруженных слуг, перекрыли все выходы, не давая моим людям позвать на помощь... И это вы называете «уроком вежливости»? Пырнули меня в грудь, а теперь утверждаете, будто я сам вытащил меч? Какая забавная сказка, дядя.

Лекарь Чжоу осторожно осмотрел рану. Клинок ушел глубоко, но, к счастью, не задел сердце и легкие. Однако при слабом здоровье наследника столь сильная потеря крови могла оказаться роковой. Лекарь приказал служанкам немедленно уложить Сиэня в постель. Хан Чжо, изображая глубокую отцовскую тревогу, поспешил следом в спальню.

Хан Сиэнь покорно позволил увести себя, но перед этим бросил мимолетный взгляд на Ань Цао. Тот мгновенно понял невысказанный приказ. Вспомнив слова хозяина о невозможности «позвать на помощь», слуга сообразил, что нужно делать. Пока все были заняты раненым, он незаметно выскользнул из двора.

Из-за случившегося поместье было немедленно оцеплено по приказу герцога — Хан Чжо панически боялся, что весть о покушении выйдет за пределы усадьбы и очернит имя рода Хань. Пройти через главные ворота было невозможно. Однако Ань Цао знал усадьбу как свои пять пальцев. Пробравшись в дальний угол заброшенного сада, он отыскал старый лаз для собак, протиснулся сквозь него наружу и, не обращая внимания на прилипшую к одежде грязь и сухие листья, во весь дух помчался к Помещью уездного князя Юна.

В покоях Хан Сиэнь быстро впадал в беспамятство. Сквозь липкую пелену бредящего сна он с трудом различал тихий вздох лекаря Чжоу:

— Рана чистая, но крови утеряно слишком много. С его немощным телом... боюсь, он не перенесет эту ночь.

И фальшивый, приглушенный голос Хан Чжо:

— Прошу вас, лекарь Чжоу, сделайте всё, что в ваших силах...

Хан Сиэнь никогда особо не цеплялся за жизнь, но сейчас в его гаснущем сознании зашевелилось упрямое нежелание уступить судьбе.

«Я не могу умереть сейчас. Самые трудные испытания позади, остался лишь последний шаг до

развязки. Если из-за этого недоумка мне придется начинать всё сначала и снова перерождаться в этом мире, клянусь, я камня на камне не оставлю от всей Поднебесной»

Губы раненого едва заметно шевельнулись. Наклонившись, лекарь Чжоу едва расслышал три тихих, но твердых слова:

— Я... не умру...

Старик выпрямился и покачал головой. Такая неистовая воля к жизни дарила слабую надежду на то, что юноша сможет выкарабкаться.

Хан Минчжу ехала в карете, то и дело торопя мужа, Цзи Юэ, ехать быстрее. После свадьбы её жизнь складывалась на редкость удачно — куда спокойнее и приятнее, чем в родительском доме. Свекор со свекровью держались с ней вежливо, хоть и несколько прохладно, а с мужем у них царил полное согласие. В его покоях не было назойливых наложниц, а сама Минчжу умела держать слуг в узде, так что её небольшой дворик сверкал чистотой и порядком. Прочие обитательницы заднего двора князя Юна не смели и пикнуть под строгим надзором супруги уездного князя Юна, так что делить власть и плести интриги Минчжу не приходилось.

Но этой безмятежности пришел конец.

Они с Цзи Юэ занимались живописью, когда слуги доложили, что из герцогского поместья прибыл запыхавшийся посланник. В зал вбежал грязный, оборванный Ань Цао и, рухнув на колени, со слезами поведал, что Хан Шу тяжело ранил наследника мечом.

Сердце Минчжу ушло в пятки. Первым её порывом было немедленно мчаться к брату. Хоть она и была теперь замужней женщиной и не имела права вмешиваться в дела дома Хань, Хан Сиэнь оставался её единственным единоутробным братом — единственным человеком, который мог защитить её в этом мире. Как она могла остаться в стороне? К счастью, Цзи Юэ полностью разделил её тревогу.

Уездный князь Юн, напротив, проявил осторожность. По его мнению, вмешиваться в семейную уособицу герцогов Хань их дому было не с руки, особенно сейчас. Однако супруга уездного князя Юна решительно пресекла его сомнения:

— Наследник — родной брат нашей невестки. Раз уж она узнала о беде, её долг — навестить его.

Супруга уездного князя Юна прекрасно понимала: если Хан Сиэнь умрет, кара все равно падет на виновных по воле императора. Но если он выживет, а они не позволят Минчжу навестить брата, обида этого мстительного юноши обойдется их дому слишком дорого.

Минчжу оказалась не только преданной сестрой, но и умной женщиной. По дороге она отправила верного человека в Поместье маркиза Цзинго с письмом для старой госпожи Ван, своей бабушки по материнской линии. Ей самой, как младшей, не пристало открыто обвинять дядю, даже если тот совершил преступление. Но старая госпожа Ван была главой знатного рода и родной бабкой Сиэня — её голосу в доме Хань никто не посмел бы возразить.

Пока Сиэнь лежал без памяти, в ворота герцогского поместья с шумом ворвалась кавалькада карет. Старая госпожа Ван прибыла в сопровождении сыновей и невесток, устроив невообразимый переполох. Они нарочно ехали через весь город открыто, чтобы предать случившееся как можно большей огласке.

Много лет Старая госпожа Ван не переступала порог этого дома, презирая род Хань всей душой. Хан Чжо, бледный и растерянный, поспешил навстречу почтенной гостье, согнувшись в угодливом поклоне.

Однако старуха даже не взглянула на него. Опираясь на тяжелую трость, пожалованную ей когда-то самим императором, она прямоком направилась к притихшему Хан Шу и принялась нещадно колотить его по плечам и спине, осыпая проклятиями:

— Паршивец! Негодяй! Родного племянника сгубить замыслил?!

Удары были тяжелыми и точными. Хан Шу с криками уворачивался от трости, тщетно пытаясь оправдаться. Будь жива или здорова его собственная мать, старая госпожа Хань, она никогда не допустила бы такого позора в стенах своего дома. Но старуха лежала при смерти, и во всем поместье не нашлось никого, кто превосходил бы госпожу Ван годами или знатностью рода. Хан Чжо и остальные могли лишь безмолвно смотреть на этот суд, не смея перечить почтенной вдове, дабы не прослыть непочтительными к старшим.

Наконец Хан Чжо решился подать голос:

— Почтенная матушка, умоляю, остановитесь! Это досадное недоразумение, мой брат совершил оплошность, но злого умысла не имел!

Старая госпожа Ван замахнулась на него тростью:

— Недоразумение?! Ты покрываешь этого убийцу?! Смерти моего внука возжелал, ирод?! Не ты ли сам вложил ему в руки этот меч? Опомнись, жестокосердный отец! Я до самого государя дойду, но выведу вас на чистую воду!

Под давлением невесток старуха наконец немного поутихла, но, услышав мрачный прогноз лекаря Чжоу о состоянии Сиэня, снова залилась слезами, причитая:

— Грехи... какие страшные грехи на этом доме...

Хан Чжо делал вид, будто не замечает её колких намеков. Убедившись, что у постели раненого сына делать больше нечего, он поспешил увести лекаря Чжоу в покои своей матери, во Дворик Вутонов. Побитый и униженный Хан Шу поплелся следом за ними.

Вслед им старая госпожа Ван с силой ударила тростью о каменные плиты пола и гневно бросила:

— Они думают, из рода Ван не осталось мужчин, способных защитить сироту?!

Едва получив весть от Минчжу, она велела своему старшему сыну, маркизу Цзинго, немедленно подать прошение о срочной аудиенции у императора. Минчжу же, бледная как мел, безмолвно лила слезы у постели брата, не проронив ни единого слова обвинения — она оставалась образцом скромности, и никто не мог упрекнуть её во вмешательстве в дела родительского дома.

Тем временем лекарь Чжоу осматривал угасающую старую госпожу Хань. Смерив её слабый пульс, он печально покачал головой и обратился к Хан Чжо:

— Герцог, годы вашей матушки на исходе. Болезнь слишком сильна, боюсь, мои снадобья здесь бессильны.

Лицо Хан Чжо исказилось в фальшивой скорби:

— Неужели нет никакого спасения, уважаемый Чжоу? Умоляю, попробуйте любое средство!

Лекарь помедлил, глядя на лежащую без чувств старуху, и ответил:

— Есть один способ — иглоукалывание. Но должен предупредить: это не вернет ей здоровье. Даже если мне удастся пробудить её жизненные силы, старая госпожа до конца дней своих останется немой и недвижимой. Ей придется вечно лежать в этой постели, принимая лишь жидкую пищу. Жизнь её превратится в сплошную муку, и уход её не будет мирным.

Герцог опустил глаза, скрывая промелькнувший в них холодный расчет. Он обернулся к застывшему у дверей Хан Шу, затем вновь посмотрел на мать и с глубоким вздохом произнес:

— Я, недостойный сын, готов пойти на этот грех. Пока матушка дышит, мы можем заботиться о ней и дарить ей тепло семейного очага. Верю, она сама пожелала бы остаться с нами еще на мгновение.

Лекарь Чжоу лишь мысленно вздохнул, посетовав на безграничное лицемерие этих людей, и молча принялся раскладывать свои серебряные иглы.

Маркиз Цзинго лично явился в императорский кабинет, дабы излить свою скорбь перед государем. Закаленный в боях на суровых рубежах Заставы Небесных Врат, этот суровый воин сейчас стоял на коленях и рыдал навзрыд, словно обиженное дитя, оплакивая горькую судьбу своего племянника.

Император, глядя на него с высоты своего трона, невольно вспомнил его младшего брата Ван Ина, ушедшего слишком рано. Лицо генерала, иссеченное ветрами окраин, хранило следы былых невзгод, перенесенных ради блага империи. Сердце государя сжалось от щемящей тоски и запоздалого раскаяния перед родом Ван.

К тому же покушение на Хан Сиэня произошло сразу после обнародования указа о назначении наследного принца. Наглый выпад Хан Шу выглядел как вызов самой императорской воле. Император пришел в ярость. Взмахнув рукавом, он повелел немедленно заключить Хан Шу под стражу без суда и следствия. Его участь должна была решиться лишь тогда, когда Хан Сиэнь придет в себя и сможет лично дать показания.

Выйдя из дворца и усевшись в паланкин, маркиз Цзинго мгновенно преобразился. Слезы высохли, а лицо приобрело холодное, хищное выражение умудренного опытом царедворца.

Когда императорский указ доставили в герцогское поместье, туда же прибыл и новоявленный наследный принц Цзи Ло. Хотя указ о его назначении уже вступил в силу, Восточный дворец еще не был готов к приему хозяина, и принц временно оставался в своей резиденции, ежедневно посещая Министерство доходов для ведения государственных дел.

С тех пор как Хан Сиэнь навел порядок в казне, дела в ведомстве шли на удивление гладко. Больше никто не смел жаловаться на нехватку средств для нужд армии или ликвидации последствий наводнений. Узнав о ранении Сиэня, Цзи Ло бросил все дела и во весь опор помчался в поместье Хань.

Лекарь Чжоу, только что закончивший процедуру с иглами для старой госпожи, сообщил принцу о крайне тяжелом состоянии раненого. Цзи Ло немедленно распорядился:

— Лекарь Чжоу, составьте список любых редких снадобий. Я достану их, чего бы это ни стоило. Только спасите его.

Ань Цао, утирая слезы рукавом, робко пролепетал:

— Ваше Высочество, в сокровищнице нашего молодого господина хранится немало целебных трав и ценного женьшеня, присланных из Сицзяна. Быть может, там найдется что-то подходящее?

Услышав о дарах с запада, лекарь Чжоу заинтересованно погладил бороду:

— В тех суровых краях действительно произрастают редчайшие растения, чья сила превосходит обычные снадобья. Покажи мне их.

Старик надеялся отыскать хоть что-то полезное, рассчитывая в крайнем случае выпросить редкие коренья из личной казны императора. Но стоило ему переступить порог кладовой Хан Сиэня, как его глаза округлились от изумления. Драгоценные корни тысячелетнего женьшеня, редчайший горец многоцветковый и сушеные травы валялись на полу в полном беспорядке, словно обычный сор.

— Какое кощунство! — в сердцах воскликнул лекарь, бережно поднимая с полу увядший стебель целебной травы: — Как можно столь небрежно обращаться с бесценными дарами земли?! Если они растеряют свою силу от сырости, чем мы вернем к жизни вашего господина?!

Ань Цао лишь уныло шмыгнул носом:

— Простите, почтенный... Поглядите лучше, пригодится ли что из этого?

Ворча под нос проклятия в адрес нерадивых слуг, лекарь Чжоу отобрёл несколько редких корешков и набросал рецепт:

— Немедленно заварите это вместе с моими снадобьями и напоите наследника. Всё остальное теперь в руках Неба и его собственной воли.

Цзи Ло молча стоял в стороне. Он прекрасно знал, откуда в сокровищнице Сиэня эти дары — их присылали воины клана Бай из Сицзяна. Сердце принца уколола тихая, ревнивая грусть: сам он за последнее время не получил от Сиэня ни единой весточки.

Лекарь Чжоу остался на ночь в поместье, опасаясь внезапного ухудшения. Старая госпожа Ван и Минчжу покинули усадьбу лишь с наступлением темноты, чтобы вернуться на следующее утро под предлогом заботы о больном. Присутствие грозной бабушки Ван лишило Хан Чжо всякого покоя, вынудив его смиренно сносить все её колкие замечания.

К утру пришла благая весть: дыхание старой госпожи Хань выровнялось, а лихорадка Хан Сиэня отступила. Герцог лично вручил лекарю Чжоу увесистый кошель с золотом, рассыпаясь в благодарностях.

Хан Сиэнь пришел в себя, но не спешил покидать постель, уклоняясь от императорских аудиенций и очных ставок с запертым в темнице дядей. Лишь три месяца спустя, когда молодой маркиз наконец окреп и государь велел доставить Хан Шу для окончательного суда, старая госпожа Хань тихо испустила дух в своей постели.

Хан Чжо бился в рыданиях у её гроба, едва не теряя сознание от показного горя, и весь город

восхищался его сыновней почтительностью. Поместье вновь погрузилось в траурное безмолвие, и для Хан Сиэня начался долгий год обязательного траура по усопшей бабке.

<http://bllate.org/book/20088/2002070>